

И к тому же дедушка очень любит Сяо Цзиня, хочет, чтобы тот составил ему компанию и побеседовал.

Стоило выставить на передний план маршала Ци, как госпожа Бай уже не смогла возражать. Она лишь перевела взгляд на Белого Гибискуса, с особым вниманием задержавшись на его запястьях. Ци Жун в тот же миг вспомнил о квантовом мозговом терминале и еще не успел толком подумать, не преувеличивает ли он, как услышал, что госпожа Бай снова заговорила с заботливым видом:

— Ты, дитя, всё такой же бестолковый и рассеянный. Мало того что одежду надел не ту, так еще и терминал с собой не взял. Я ведь хотела подбросить тебе немного денег на новые наряды.

Она мягко улыбалась, являя собой образ идеальной матери, и напомнила:

— Почему бы тебе не сходить наверх и не забрать его?

Если бы кто-то сказал, будто госпожа Бай и вправду переживает за Белого Гибискуса, ему бы не поверили ни посторонние, ни она сама. Просто в высшем обществе так принято: что бы ни творилось на душе, на лице всегда должна сиять улыбка. Теперь, когда Белый Гибискус собирается выйти замуж за Ци Жуна, этот ее визит и все сказанные слова были абсолютно безупречны.

Однако незадолго до этого Белый Гибискус сам отчетливо затронул тему терминала, поэтому Ци Жун не мог не начать подозревать неладное.

Белый Гибискус же, напротив, сохранял свой привычный ленивый вид и выглядел донельзя сонным, словно вот-вот заснет на ходу. Услышав это, он вроде бы на мгновение растерялся:

— Деньги? Звездные монеты? Но мой терминал потерялся, я как раз оформляю его заново. Может, просто переведешь мне на счет? Номер — AS13865.

Госпожа Бай по-прежнему безупречно улыбалась, быстро и четко перевела деньги, а затем, словно бы в ходе непринужденной беседы, произнесла:

— Разве обязательно так спешить с новым? Может, поищешь хорошенько, вдруг отыщется.

— Он уже заблокирован и выведен из строя, так что искать бесполезно, остается только выбросить, — перехватил инициативу Ци Жун, тоже казавшийся слегка раздраженным. — К тому же неизвестно, где именно он затерялся, искать слишком хлопотно.

Госпожа Бай кивнула и на этот раз больше ничего не сказала.

Обменявшись еще несколькими дежурными любезностями, она собралась уходить. На прощание она снова обмолвилась о том, что Белому Гибискусу стоит навестить семью Бай, и, вполне предсказуемо получив отказ, настаивать не стала. Ушла она легко, а вот Белая Сопля следом за ней явно не хотела расставаться — ее взгляд был устремлен на Ци Жун и, если бы взгляды умели обретать плоть, от него бы живого места не осталось.

— Тц-тц-тц.

Белый Гибискус только успел раскрыть рот, как Ци Жун уже догадался, что тот собирается сказать, и тут же перевел тему:

— Похоже, она вовсе не искренне рвалась забрать тебя домой.

— Разве что у нее крыша съехала, с чего бы ей искренне стараться, — с усмешкой бросил Белый Гибискус. — Хотя спектакль вышел слишком фальшивым, но вот интерес к терминалу у нее был подозрительно повышенный. Впрочем, всё обставлено в меру, без перегибов, и если бы не наши ранние подозрения, мы бы и не почувствовали подвоха.

В конце концов, всё это выглядело так, будто законная жена, на дух не переносящая внебрачного сына, была вынуждена нанести этот визит. Улыбка на лице была, но в глубине души царил полное нежелание, так что и стараться по-настоящему она не стала. Иными словами, слова шли вразрез с сердцем — чистая показуха для приличия.

— Эх, эти женщины, каждая первая достойна премии за лучшую женскую роль, да вдобавок еще и сценаристы не нужны.

Досказав это, Белый Гибискус неторопливо направился вверх. Ци Жун хотел последовать за ним, но маршал Ци его остановил. Как только Белый Гибискус скрылся за углом и стихли шаги, дедушка Ци совершенно серьезно произвел выговор:

— Я велел тебе налаживать отношения, но не в постель же их тащить. Скоро свадьба, неужто пару дней подождать не мог?

Ци Жун: «...» Он же чистой воды страдалец!

А Белый Гибискус наверху был доволен собой до крайности: и подразнил, и подставил, сплошное удовольствие.

Вот только правильный и принципиальный генерал-майор искренне полагал, что тот нарядился так исключительно ради госпожи Бай, и понятия не имел, как на него вообще повесили всех собак. Кое-как отчитавшись перед маршалом Ци и получив свободу, Ци Жун устал настолько, что глаза слипались. Не открывая их, он сорвал с себя одежду и рухнул прямо на кровать, мгновенно заснув.

Спал он ровно сутки напролет, пока его не разбудили несколько настойчивых стуков.

— Тук-тук-тук!

Неспешно, ровно три удара — фирменный почерк Белого Гибискуса. Ци Жун слишком часто слышал этот стук и знал его до боли, так что на мгновение ему показалось, будто он всё еще жив в прошлой жизни. Лишь добрые полминуты спустя он пришел в себя, встал и открыл дверь.

Белый Гибискус, постучавший в дверь, прислонился плечом к косяку и с помощью только что полученного терминала изучал какие-то материалы. Ци Жун бросил взгляд на экран и, заметив там вполне ожидаемые учебники по фармации, невольно усмехнулся. Этот человек действительно питал огромную страсть к фармации, и за две жизни ничего не изменилось.

— Вышел? — заметив его, Белый Гибискус закрыл учебник и взглянул на время. — Меньше трех минут, а одеваешься шустро.

Всё остальное было еще куда ни шло, но само словосочетание «одеваешься шустро» прозвучало из его уст так протяжно, мягко и неторопливо, что в нем сквозило глубочайшее разочарование. У Ци Жун шестым чувством кольнуло предчувствие, что этот мерзавец снова затевает какую-то пакость. И действительно, не успел он и глазом моргнуть, как Белый Гибискус с невероятно жалостливым видом протянул:

— А я уж думал, если не выйдешь за три минуты — сам зайду и сорву одеяло. Интересно, ты спишь в пижаме или вообще голышом?

Ци Жун стиснул зубы, жутко желая ответить в стиле «голышом», но по привычке хранить благопристойность так и не смог вымолвить это вслух.

— Пошли, есть.

Вдоволь подразнив его, Белый Гибискус приподнял бровь, бросил «серьезные дела» и первым зашагал вниз по лестнице. А Ци Жун плелся позади, глядя на его самодовольную фигурку, и скрежетал зубами от злости.

Хватило бы у тебя смелости действительно сорвать одеяло, раз уж дразнишь! Как раз бы посмотрел, крупное ли у меня хозяйство.

Внизу блюда были уже расставлены на столе. Маршал Ци сидел на главном месте и просматривал новости на своем терминале; заметив их спуск, он кивнул. Дождавшись, пока оба займут свои места, он выключил терминал и взял палочки.

Ци Жун и вправду был голоден как волк: на обратном пути в мехе о трехразовом питании не

могло быть и речи, обходились в основном питательными растворами. По возвращении же он сначала забирал дедушку, потом отдувался перед семейством Бай и сразу завалился спать. Сутки напролет во рту не было ни крошки, и сейчас ему казалось, что он способен проглотить целого быка.

Взглянув же на Белого Гибискуса, он заметил, что тот ведет себя неторопливо и аккуратно маленьким черпачком переливает суп из супницы в пиалу.

Ци Жун внезапно почувствовал пугающее дежавю — кажется, в прошлой жизни всё происходило точно так же. Тогда он, вернувшись после нескольких дней боев, безумно хотел есть и мечтал лишь о том, чтобы наброситься на еду и заглатывать ее огромными кусками, но этот человек протянул ему пиалу с супом и велел выпить. Разве мог он тогда постичь эти благие намерения? Ему казалось это лишь лишней возней, и хотя в конце концов он послушно осушил пиалу, всё равно в глубине души считал, что этот по фамилии Бай вечно идет против него.

Но позже... в какой же из разов он услышал фразу о том, что суп перед едой полезен для желудка, особенно для тех, кто долго голодал? Ци Жун уже не помнил всю гамму чувств, охвативших его тогда, он знал лишь одно: он упустил слишком много проявлений заботы со стороны этого человека и вел себя просто омерзительно.

Генерал-майор давно привык сохранять непроницаемое выражение лица, так что буря в его душе никак не отразилась на внешности — он лишь молча смотрел на пиалу с супом.

Белый Гибискус: «...»

Заметив, как тот смотрит на него голодными глазами, Белый Гибискус чуть поморщил уголки губ и подвинул суп к нему. И впрямь: стоило ему перевести взгляд на собеседника, как он увидел на том же лице прежнее выражение, но во взгляде промелькнула едва уловимая тень удовлетворения. Затем этот парень сам взял маленькую пиалу, лично зачерпнул порцию супа и пододвинул ее к Белому Гибискусу.

Глядя на испускающий пар суп перед собой, Белый Гибискус задумчиво прищурился.

А генерал-майор тем временем испытывал безграничное удовлетворение, смешанное с долей самокритики. Он ведь давно твердо решил хорошо относиться к Белому Гибискусу, но, едва усевшись за стол, снова подумал в первую очередь о еде. И только когда тот сам налил ему суп, сообразил, что и сам должен был проявить заботу — просто непростительно с его стороны.

Проведя работу над ошибками, Ци Жун в течение всего обеда принялся усердно подкладывать еду Белому Гибискусу.

В конце концов, они прожили вместе много лет, и даже при отвратительных отношениях вкусовые предпочтения друг друга он изучил неплохо.

Будь на месте нынешнего Белого Гибискуса тот, будущий, он бы непременно заподозрил, с какой стати этот тип выбирает исключительно его любимые блюда. Но сейчас Белый Гибискус находился здесь всего пару дней, попробовал еду из его рук от силы раза два-три, а здешняя пища слегка отличалась от привычной ему ранее, так что он сам еще толком не знал, что именно ему по вкусу.

Нежные, тающие во рту ломтики мяса обладали потрясающим, изысканным вкусом — это было его самое любимое блюдо на столе, и почти всё оно переключалось в его чашку.

Маршал Ци: «...»

Его внук наконец-то научился заботиться о людях, но стал еще более бестолковым по отношению к остальным. Ладно он сам не ест, но неужели он забыл, что его собственный дед тоже обожает это блюдо? Маршал Ци дернул уголок рта и был вынужден отступить на второй план, выбрав себе другое кушанье, тем более что пару кусочков он только что успел молниеносно утащить из-под носа.

На вкус еда оказалась даже лучше обычной: всё-таки ворованное всегда кажется вкуснее того, что сиротливо стоит перед тобой нетронутым.

За этим обедом маршал Ци нагулял отменный аппетит и съел гораздо больше обычного. Он проникся к новому внучатому зятю еще большим расположением, и настроение его взлетело до небес.

Белый Гибискус тоже остался весьма доволен.

Еда на столе маршала шла ни в какое сравнение с той, что была доступна в Пограничных мирах или внебрачным детям семьи Бай. Те вкусы, что всплывали в памяти прежнего хозяина тела, и рядом не стояли с нынешним великолепием. Из-за этого он одно время даже грешным делом думал, будто в этом мире вообще не существует нормальной еды, но к счастью, это оказалось лишь иллюзией — просто уровень жизни прежнего владельца тела был донельзя убогим.

А вот поведение Ци Жуна вызывало у него всё больше вопросов.

Судя по всему, этот человек действительно питал к нему самые нежные чувства, иначе подобное отношение было бы просто невозможно объяснить. Такое невозможно сыграть напоказ — Белый Гибискус и сам был актером уровня обладателя кинопремии, прекрасно понимая, что чужую игру перед ним раскусить не составит труда. Но с какой стати Ци Жун вдруг вспыхнул к нему любовью?

Из-за того давнего удара ножом, который прежний хозяин тела нанес после подсыпанного зелья?

Нельзя винить Белого Гибискуса в терзавших его сомнениях — он ведь буквально по секундам прокрутил в голове те три дня сквозь призму воспоминаний прежнего владельца тела. Хотя Ци Жун и не сказать чтобы плохо обращался с тем парнем, и особой ненависти или отвращения не выказывал, любовью там и не пахло. Скорее, присутствовала доля скрытого раздражения, которое, хоть и тщательно маскировалось, ускользнуть от его пронзительного взгляда не могло.

Более того, когда прежний хозяин тела нанес удар, Ци Жун и в самом деле собирался приказать меху уничтожить нападавшего, и тогда тот действительно погиб. Не то чтобы Бай Цзинь совсем не сомневался, не покори ли он противника собственным обаянием — в своей привлекательности он, разумеется, был уверен. Однако, судя по всему, отношение Ци Жуна круто переменялось ещё до того, как он завершил слияние и пришёл в себя. В тот момент он не мог ни управлять телом, ни даже открыть глаза, так что перед Ци Жуном всё ещё предстал прежний хозяин этого тела — мягкий, незащищённый и бледный, словно несчастный росток пекинской капусты...

Стойте-ка.

Бай Цзинь блеснул глазами, украдкой глянул на спину Ци Жуна и поморщился, подумав: неужели у этого парня склонность к мазохизму? Впрочем, на вид он совсем к этому не располагал!

Ладно, размышлениями тут не поможешь — пока не будем забивать голову. В конце концов, теперь этот человек к нему равнодушен, ведёт себя при этом истово и чинно, соблюдая строгие рамки, но скрывая внутри бурю страстей. Окинув его фигуру оценивающим взглядом с головы до ног, Бай Цзинь остался крайне доволен этим телом. Сердце его сладко ёкнуло, он прибавил шагу, догнал Ци Жуна и, оказавшись рядом, двусмысленно протянул:

— Только что за столом ты ведь нарочно это сделал, да?

— Что? — Ци Жун машинально начал перебирать в памяти свои действия, пытаясь понять, где оплошал.

Бай Цзинь лишь усмехнулся:

— Ты же не поменял палочки для еды. Наверное, в каждом блюде твоя слюна. Признавайся, давно хотел, чтобы я отведал твоей слюны?

Ци Жун: «.....»

Ци Жун отчетливо понял: если как следует не проучить этого наглеца, он того и гляди на голову ему сядет. Ударить его рука не поднимется, переругать в словесной перепалке — вряд ли получится, поэтому он, недолго думая, решительно вжал Бай Цзиня в стену и прямо так впился в его губы поцелуем.

Черт побери, мысленно выругался Бай Цзинь, доигрался же!!!

В ту самую секунду, когда его прижали к стене в лучших традициях мелодрам, Бай-Кактус-Цзинь мгновенно сориентировался. Ему даже не нужно было делать ничего особенного — достаточно было лишь слегка изменить позу, и его колено безошибочно угодило бы точно в уязвимое место Ци Жуна. Однако он не стал наносить удар, даже когда тот поцеловал его. Напротив, он расслабился, а на лице появилось выражение...

Да спорим, ты ни на что больше не решишься.

Это же не первый их поцелуй — один уже был там, на военном корабле, так что подумаешь, пару раз чмокнули друг друга. Бай Цзинь относился к этому легкомысленно, тем более что тело это вот-вот должно было целиком и полностью принадлежать ему, поэтому он не испытывал ни малейшего смущения. Кто же знал, что на этот раз он просчитался и просчитался жестоко.

Этот поцелуй явно отличался от того, что был на военном корабле. Они не просто соприкоснулись губами на мгновение подольше — всё началось с самого напора бурной стихии: Ци Жун кусался, терзал его губы и даже запустил внутрь язык, проявляя неподдельную, всепоглощающую властность.

Ци Жун сам не понимал, где допустил ошибку. В прошлой жизни Бай Цзинь был столь холоден и надменен. И хотя в постели он вёл себя чертовски раскованно, стоило ему переступить порог спальни, как перед ним словно оказывался совершенно другой человек. При случайной встрече на улице он гордо задира подбородок, даже не удостоивая Ци Жуна прямым взглядом, а если их взгляды случайно пересекались, то лишь презрительно морщился.

Однако...

При мыслях обо всех этих бесчисленных поклонниках и поклонницах, вившихся вокруг этого смутьяна, у Ци Жуна снова запульсировало в висках.

Верно. Скорее всего, Бай Цзинь по своей природе и был таким легкомысленным повесой. Просто в прошлой жизни его отношение к Ци Жуну было отвратительным, и с самого начала их отношения приняли именно такой оборот. Стоило вспомнить, как галантно и нежно Бай Цзинь вёл себя с многочисленными воздыхателями обоего пола, с какой лёгкостью он умел очаровывать людей.

Иначе с чего бы Цинь Ии спустя всего лишь месяц изменила своим прежним привязанностям и вспылала к нему столь глубокими чувствами?

Будучи его правой рукой и проводя рядом с Ци Жуном долгие годы, разве мог он не знать истинный нрав Цинь Ии? Выглядающая хрупкой и беззащитной — такой, что от громкого окрика она вроде бы должна тут же расплакаться, — на деле она была совершенно не такой.

Оказавшись на поле боя, она превращалась в настоящую богиню войны, способную повергнуть в шок любого новичка.

Человек с таким характером, пусть даже самый мягкий душой, не мог изменить своим принципам по малейшему капризу. Его личный адъютант потратил целых восемь лет на ухаживания, добившись лишь весьма скромных успехов — из этого было очевидно, что Цинь Ии далеко не из тех, кого легко покорить. А что же Бай Цзинь? Всего месяц! Прошёл всего один месяц, и он в одночасье стал кумиром этой девчонки, которая смотрела на него с благоговейным трепетом и обожанием.

Способностей у него было не занимать, и это в пору, когда он ещё даже не читалённым седьмого уровня фармацевтом.

Не говоря уже о тех то и дело всплывающих в Звездной сети сенсационных заголовках от светских обозревателей: Талантливый фармацевт на свидании с красавчиком: романтический ужин при свечах на крыше Звездной башни; Одинокое мужчина и юноша заперлись вдвое: таинственный спутник снял для Бай Цзиня номер на всю ночь. Казалось, те новости неустанно награждали его рогами. Если бы не потрясшее до глубины души самоубийственное решение Бай Цзиня в самом конце их прошлой жизни, он бы ни за что не поверил, что этот человек действительно любил его.

Но всё же те инциденты...

Были ли они недоразумением или... или его собственное отношение было настолько отвратительным? Он никогда не умел говорить ласковых слов, был груб в постели, из-за чего несчастный Бай Цзинь страдал и потому искал утешения в объятиях других?

От этих мыслей даже бурный, полный хищнической агрессии поцелуй Ци Жуна невольно смягчился, наполнившись глубочайшим, почти благоговейным трепетом. Бай Цзинь наконец смог перевести дыхание — от пережитого потрясения ноги его совершенно ослабли, и он держался лишь благодаря стене. Этот мужчина только что буквально грыз и кусал его, словно собирался сожрать живьём — до чего же он оказался свирепым!

Наконец поцелуй завершился, но Ци Жун всё никак не мог заставить себя отстраниться и продолжал осыпать его легкими поцелуями прямо в той же позе.

Ты теперь мой.

Ци Жун мысленно поклялся себе, что отныне, окружая Бай Цзиня заботой, он одновременно будет надёжно ограждать его от всех этих назойливых пчёл и бабочек. Раз уж тот испытывает к нему чувства, стоит уделять ему побольше внимания и относиться наилучшим образом, и тогда Бай Цзинь наверняка перестанет заглядываться на других. Вдоволь нацеловавшись и успокоив бушевавшую в груди бурю, он наконец отпустил его.

— Если что-то понадобится — обращайся ко мне без колебаний, что бы это ни было! — мысленно пообещал себе Ци Жун, добавив про себя: включая те самые ночные утехы, и чтоб никаких походов налево к посторонним.

Он говорил с предельной серьёзностью, и в его словах отчётливо звучал вес данного обещания. Бай Цзинь замер, услышав это, внутри у него всё приятно защемило, и шутить больше совсем перехотелось. Выдавив из себя короткое «угу», он быстренько ускользнул к себе в комнату. Оказавшись там, он бросился на широкую кровать и принялся яростно лупить подушку. Доигрался на свою голову, старый развратник, в конце концов сам же и попался в чужие сети.

Следующий день прошёл удивительно тихо: Бай Цзинь вёл себя тише воды ниже травы, избегал попадаться Ци Жуну на глаза и вместо этого с головой погрузился в изучение фармацевтики.

Будучи по своей первоначальной сути растением, он обладал невероятно тонким восприятием различных лекарственных составов. Именно поэтому, столкнувшись с ними впервые, он сразу же интуитивно почувствовал, несёт ли то или иное средство пользу для организма или вред. Разумеется, это правило не было абсолютным, ведь многие спасающие жизнь лекарства в определённых компонентах тоже ядовиты. Ту ампулу экстра-успокоительного для маршала Ци он распознал лишь потому, что уже сталкивался с подобными препаратами раньше, а скрытая в них вторая нотка была до крайности бурной и агрессивной, что и позволило ему вынести уверенный вердикт.

Что же касается всего остального, поскольку у него отсутствовала систематическая база знаний, Бай Цзиню todavía предстояло пройти огромный путь.

К счастью, в эту эпоху существовало столь удобное изобретение, как оптический мозг, позволявший в любой момент смотреть обучающие видео, а также игровые капсулы, переносящие пользователя в виртуальный мир. Тот мир практически заменял вторую вселенную и предоставлял безграничные возможности: там можно было совершать покупки, заводить знакомства и даже получать новые знания.

Некоторые люди и вовсе делали заработок в виртуальном пространстве своей основной профессией, не говоря уже о фармацевтах, которые вели там платные обучающие курсы для всех желающих.

Большинство преподававших там фармацевтов специализировались на низших и средних рангах — мастера высокого уровня появлялись крайне редко, да и пробиться на их лекции было практически невозможно. Впрочем, Бай Цзинь был непривередлив: в конце концов, ему требовалось освоить именно азы, а углубляться в дебри на данном этапе всё равно не имело особого смысла.

Кроме того, главным преимуществом игровой капсулы перед обычным оптическим мозгом было её полное погружение, благодаря которому всё происходящее казалось невероятно реалистичным. Хотя виртуальная еда не могла насытить желудок, она обладала полноценным

вкусом и ароматом. Иными словами, он мог спокойно экспериментировать с созданием лекарств прямо внутри системы, вдобавок различая малейшие нюансы их запахов.

Для новичка это было идеальное место для практики, где не приходилось беспокоиться о бессмысленной трате ценных материалов.

Так Бай Цзинь с головой ушёл в сетевые игры, впрочем, сохраняя завидное здравомыслие: к обеду он неизменно спускался к столу, вовремя ложился спать, а заодно успел перепознакомиться со всей прислугой и домашними роботами.

В эру межгалактических путешествий робототехника достигла абсолютного совершенства, и бытовые роботы стали неотъемлемой частью каждого дома. Уборка помещений, мытьё полов, протирание пыли и даже сервировка блюд с приготовлением еды — всё это было им по плечу. Однако это вовсе не означало, что человеческий труд полностью утратил актуальность. В знатных домах и влиятельных кланах всегда предпочитали держать живую прислугу, ведь роботы при всей их безупречности были не способны на тонкий подход к делу.

Взять, к примеру, должность дворецкого — порой этот человек олицетворял саму позицию хозяев дома, и в вопросах этикета и приёма гостей не допускалось ни малейшей оплошности, а у роботов отсутствовал столь высокий уровень человеческого интеллекта. Или возьмите повара: робот может безукоризненно следовать кулинарным инструкциям, но заложенная в него программа неизменна, и приготовленная им еда никогда не сравнится по вкусу с блюдами, созданными руками человека.

В обычных семьях на это закрывали глаза, но те, кто обладал хоть малейшим влиянием, охотно нанимали людей.

Разумеется, находились и аристократы, обожавшие заполнять свои поместья толпами слуг ради улады самолюбия — им доставляло удовольствие купаться в почтении и видеть, как все вокруг кланяются им в пояс. В резиденции же семьи Ци ничего подобного не наблюдалось. Раньше здесь трудились лишь дворецкий и два повара; после того как дворецкий Ци Чанцзай покончил с собой, пытаясь избежать суда, замену ему ещё не нашли, и на хозяйстве осталась лишь супружеская пара поваров.

Муж с женой оба были плотного телосложения, а стряпали просто божественно.

Когда маршал Ци велел ему познакомиться с домашними, он сказал следующее: «Если захочется чего-то особенного — просто скажи им, и они приготовят. Если проголодаешься ночью, тоже можешь сделать заказ». В семье Ци испокон веков не было принято устраивать ночные перекусы, так что об этом требовалось предупреждать заранее. Дав указания Бай Цзиню, маршал тут же наказал этой чете впредь относиться к юноше как к законной молодой госпоже.

При одном только слове «госпожа» у Бай Цзиня сводило зубы от желания вцепиться во что-нибудь зубами, но поскольку рядом находился старший по возрасту и положению мужчина,

ему оставалось лишь с невероятным трудом подавлять раздражение.

Что же касается его прежнего оптического мозга, то его доставили вместе с военным кораблем. В тот же день устройство отправили на проверку, и, разумеется, не обошлось без постороннего вмешательства. Впрочем, речь шла вовсе не о прослушке, слежке или каких-то угрожающих жизни закладках — в гаджет был встроен лишь простенький маячок, позволявший отслеживать его перемещения, где бы он ни находился.

Трудно было сказать, чьих это рук дело — Бай Цижун или мачехи, однако, судя по их прежним планам, за этим не скрывался какой-то зловещий умысел. Скорее всего, они просто привыкли держать младших членов семьи Бай под жёстким контролем. Даже несмотря на то, что прежнего владельца тела сослали на пограничную планету, эти люди хотели не столько знать каждый его шаг, сколько исключить саму вероятность того, что он внезапно исчезнет из поля зрения.

Если бы не его внезапный поворот с Ци Жуном и последовавшая помолвка, те люди, пожалуй, до самой смерти не вспомнили бы об этой скрытой функции.

Но теперь всё изменилось.

<http://bllate.org/book/21268/2155102>